

УДК 811.161.1

ИДИОЛЕКТ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» КАК ОТРАЖЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Д.А. Романов

Доктор филологических наук, профессор,
руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований
e-mail: kafrus@rambler.ru

А.В. Гиль

Аспирант кафедры русского языка и литературы
e-mail: razormane@mail.ru

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Исследование включает в себя анализ идиолекта главного героя повести Александра Исаевича Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В работе делается попытка выделить основные лексические, семантические и лексико-стилистические особенности речи персонажа. В статье подвергаются анализу приемы построения писателем живой разговорной речи с помощью сочетания различных лексических пластов (диалектной, просторечной, арготической лексики). Намечаются перспективы исследования разнообразных синтаксических конструкций, переплетения речи автора с речью и мыслями героя в конструкциях несобственно-прямой и косвенной речи, а также приемов окказионального словообразования. Обозначенные черты трактуются как элементы идиостиля Солженицына, принципиально и направленно реализуемые посредством идиолектов его героев.

Ключевые слова: идиолект, лексика, стилистика, идиостиль, окказионализм, жаргон, просторечие, диалектизм.

Введение.

Манера речи каждой языковой личности характеризуется проявлением индивидуальности в процессе коммуникации, монолога, графической текстовой деятельности и т.п. Уникальный вариант языка того или иного человека принято называть идиолектом. Идиолект выражается в произношении, интонации, построении высказываний, особом подборе (и отборе) лексики, использовании паремических единиц, устойчивых выражений и других средствах языка, который в совокупности активного использования являются характерными для данного индивида.

Применительно к писателям, признанным «мастерам слова», обычно говорят об идиостиле. Наиболее убедительно соотношение идиостиля и идиолекта определила В.В. Леденева: «Идиостиль – это индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным средствам и способам авторепрезентации через идиолект» [Леденева 2000: 296]. Идиостиль – результат сознательной работы над

языком, средство выражения авторских замыслов (начиная от оптимальной коммуникации посредством текста и заканчивая идейно-художественными устремлениями), в то время как идиолект – «неограниченное», свободное владение языком, сохраняющее характеристики спонтанности, свойственные речи.

Понятия идиолекта и идиостиля в равной мере бытуют в современных научных работах сферы лингвистики, функциональной стилистики, лингвостилистики и лингвопоэтики. Теоретически и эмпирически эти понятия сближаются и разводятся достаточно регулярно (см., например: [Караулов 2010], [Старкова 2015], [Акатова 2015], [Кузьмин 2019]). Материалом рассмотрения вопросов идиостиля и идиолекта становятся не только тексты художественной литературы и публицистики, но и устный дискурс преподавателей, ученых, политиков, журналистов и т.д. Е.А. Земская справедливо замечала, что «форма языкового представления гораздо менее важна, чем его содержание: литература и культура – явления, сопрягаемые внутренней сущностью, а не устной или письменной формой их подачи» [Земская 1997: 334].

Но даже в художественной литературе «спонтанная речь», идиолекты героев занимают важное место. Широко известно, что индивидуализация речи героев – значительная часть работы автора над художественным текстом. «Смысловое единство, экспрессивная характерность и образная замкнутость речи персонажа или героя – неперемные условия его художественной целостности и эстетической жизненности» [Виноградов 1971: 69].

Проявление индивидуального в речи персонажа привлекает исследователей: идиолект конкретного персонажа не только создаёт его речевой портрет через манеру речи и использование лексики различных пластов, но и характеризует идиостиль самого автора текста. Таким образом, «выстраивание» индивидуального стиля писателя, его языковые поиски во многом сопряжены с «озвучиванием» его героев, с отношением к их речи в художественном пространстве текста [Виноградов 1959]. Академик Виноградов приводил слова Н.С. Лескова, чтобы подчеркнуть важность поиска идиолектов героев для художественной манеры писателя, для его идиостиля: «Чтобы мыслить образно и писать так, надо, чтобы герои писателя говорили каждый своим языком, свойственным их положению... Человек живет словами, и надо знать, в какие моменты психологической жизни у кого из нас какие найдутся слова. Изучить речь каждого представителя многочисленных социальных и личных положений довольно трудно. Вот почему у нас мало художников слога, то есть владеющих живою, а не литературною речью» [Виноградов 1971: 74].

Материалы и методы.

Детально изучая речь отдельно взятого человека, будь то рассказчик в авторском нарративе писателя, герой его текста или иное лицо, лингвисты работают с текстом на метапредметном уровне, находя здесь как собственно лингвистические черты, так и связи с предметами других наук: истории, социологии, психологии и т.д. [Смолянинова 2019: 180].

Задачей данного исследования, проведенного на материале повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», является доказательство положения о том, что проявление индивидуальности в речи персонажа выступает характеристикой идиостиля писателя. Это отражение его принципиального отношения к языковому построению текста, воплощение «лингвистического кредо» писателя, которое базируется на эстетических и идейных воззрениях.

Г.О. Винокур подчеркивал, что «языковые идеалы... получают свое значение жизненных факторов только в их воплощениях» [Винокур 1991: 41]. Солженицын, создавая образ главного героя своей повести – Ивана Денисовича Шухова, – изобрел для своего персонажа уникальное и неповторимое речевое воплощение. Идиолект персонажа рассматривается нами как многоуровневая речевая система, состоящая из следующих компонентов: 1) уникального активного словаря, включающего диалектизмы, просторечие, арготизмы, жаргонизмы; 2) отступлений от грамматических, орфоэпических, словообразовательных языковых норм; 3) особых методов построения высказываний и передачи информации; 4) речевых норм и оценок; 5) коммуникативных стратегий, к которым прибегает герой для достижения целей; а также 6) окказионального словообразования. По поводу последнего справедливо отмечено: «Некоторые окказиональные словообразования Солженицына содержат в себе такой заряд экспрессии, что освещают собой все высказывание, определяют весь его семантико-стилевой строй» [Ржевский 1972: 44].

Все названные составляющие идиолекта придают речи Шухова тот особый тон, благодаря которому его речевая линия в тексте становится не только ярко индивидуальной, но и знаковой для понимания идейного содержания произведения Солженицына. Кроме того, эта линия, воплощенная в идиолекте героя, оказала влияние на концепции речи персонажей в идиостиле других крупных российских писателей второй половины XX в.

Результаты.

Вначале обратимся к многообразию представленных в повести «Один день Ивана Денисовича» лексических пластов. Разные по стилевой принадлежности и стилистической окраске слова в речи не просто сосуществуют внутри данной повести – они органично соединяются,

сливаются воедино, образуя целостное лексическое полотно, которое включено в характеристику героя.

Лексика в речи Шухова способна ассимилироваться: некоторые общелитературные слова теряют свою нейтральность, над ними берет верх скрытый экспрессивный потенциал, а диалектизмы и жаргонизмы, в свою очередь, начинают терять свои специфические свойства. Просторечие, территориально ограниченные лексемы, жаргон приобретают характер обычных слов, понятных и привычных для всех носителей языка (в данном случае – других героев повести, а постепенно, по ходу развития действия – и всех читателей), естественно вписываясь в самобытную, цельную по сути и выразительную по форме речь Шухова.

Лексическим фундаментом любого текста являются нейтральные слова, которые в силу своего межстилевого назначения в языке считаются наименее образными; такая лексика играет роль нейтрального фона, на который наслаиваются стилистически окрашенные слова [Горшков 2006]. Помимо этого, нейтральная лексика служит для уменьшения концентрации специфических лексем, то есть разбавляет текст, не давая ему засориться чрезмерным обилием экспрессивно окрашенных слов.

Однако стоит отметить, что нейтральная лексика в некоторых высказываниях, состоящих из просторечия, диалектных и разговорных слов, переходит в разряд выразительных средств наряду с жаргоном, окказионализмами, областными словами и т.д.

Вот характерный пример из описания трапезы Ивана Денисовича: «*В любой рыбе он ел все, хоть **жабры**, хоть **хвост**, и **глаза** ел, когда они на месте попадались, а когда вываливались и **плавали в миске отдельно – большие, рыбы глаза** – не ел. Над ним за то смеялись*» [Солженицын 2010: 18]. Аналогичный пример из представления лагерного быта: «*Снуют эки во все концы! Одно время начальник лагеря еще такой приказ издал: никаким заключенным в одиночку по зоне не ходить. А куда можно – вести всю бригаду одним **строем**. А куда всей бригаде сразу никак не надо – скажем, в санчасть или в уборную, – то сколачивать группы по четыре-пять человек, и старшего из них назначать, и чтоб вел своих **строем** туда, а там дожидался, и назад – тоже **строем***» [Солженицын 2010: 116]. В приведенных фрагментах с помощью выделенных стилистически нейтральных слов читателю показывается исполненная лишений и тягот, бесчеловечная и бессмысленная по организации лагерная жизнь.

В повести «Один день Ивана Денисовича» специфические лексико-стилистические особенности идиолекта главного героя можно отметить на каждой странице текста. Вот несколько примеров просторечия: «*И как Цезарь на руки раздобыл белье свое теплое? Наверное, **подмазал в каптерке личных вещей, откуда ж?***» [Солженицын 2010: 35]; «*Цезарь богатый, два раза в месяц посылки, всем сунул, кому надо, – и **придурком** работает в конторе...*» [Солженицын 2010: 41]; (о хлебе) «*Двести сейчас*

нажать, завтра утром пятьсот улупить, четыреста взять на работу – житуха!» [Солженицын 2010: 130].

Характерную черту подбора лексики Солженицыным выделил в свое время Жорж Нива: «Солженицынский языковой массив тяготеет к коротким словам, к резким и кратким фонетическим сочетаниям» [Нива 1992: 144]. Использование Шуховым и имплицитным автором в повести таких слов, как: *кой-где, шмон, дёру, слышь, где-тошь, кружь, бегма* и др. – является как одной из характеристик идиолекта главного героя, так и чертой авторского идиостиля в целом. «Весь языковой и жизненный стиль Солженицына строится на особом пафосе, на особой энергии, заключенных в кратком и емком слове» [Сарнов 2012: 297].

Важным средством расширения лексических и семантических границ текста для Солженицына являлась диалектная лексика. «Используя диалектизмы, автор стремится не к простому синонимическому замещению стилистически нейтральных речевых средств средствами экспрессивными, а к подбору слов с более объемным значением» [Урманов 2014: 259].

В речи Ивана Денисовича выразительные и нетипичные для обычного художественного текста элементы народного языка писатель объединил для того, чтобы речь героя имела традиционные и узнаваемые черты крестьянского говора, при этом была исключительной, уникальной [Кузьмин 2019]. В этом Солженицын ориентировался, конечно, на Л.Н. Толстого («Власть тьмы», «Русские книги для чтения» и т.п.). При этом Солженицын использует и общерусские диалектизмы, граничащие с просторечием, которые известны намного шире и не так индивидуализируют речь героя. Подобные слова толкуются даже в словарях русского литературного языка: например, в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: *гунявый* – обл. ‘оплешивевший от болезни’ [Ушаков 1996: 3: 214], *халабуда* – обл. ‘хибара, лачуга, шалаш’ [Ушаков 1996: 4: 17].

Стоит отметить, что Солженицын воспринимает традиции народного языка в литературе глубже обыкновенного употребления диалектно-просторечных лексических штампов (*апосля, миленок, милок, надысь, намеднись* и др.).

Воссоздавая образ народной речи, писатель обращается к нешаблонной лексике, а также использует приемы авторского словообразования, продуцируя окказиональные разновидности диалектизмов. Примеры таких лексем: *наскорях* (‘торопясь’), *недотыка* (‘недотрога’), *смогать* (‘смочь, суметь’), *удоволенный* (‘довольный’), *укривище* (‘укрытие’) и др. Часть из них вошла в известный авторский «Словарь языкового расширения» Солженицына, которым он так гордился.

В своем методе производства новых слов автор сочетает знакомые читателю элементы языка с новаторским подбором слово- и

формообразовательных морфем, развивая и расширяя заложенные в классической литературе традиции, приемы передачи крестьянской речи. При этом окказиональные неологизмы, в его представлении, абсолютно соответствуют «идее и духу» народа.

В работе над идиолектом героя проявлялось и семантическое окказиональное новаторство Солженицына, например: «*Шухов встрепенулся... одной рукой поспешно, благодарно брал недокурок, а вторую **страховал** снизу, чтоб не обронить*» [Солженицын 2010: 29]. Герой употребляет глагол *страховать* в новом для того времени значении – ‘уберечь, защитить’. Создание новых значений слов (или оттенков значений) – еще одна черта идиостилия писателя.

Особое языковое чутье Солженицыну дал тяжелый жизненный опыт и, разумеется, профессиональный писательский интерес. Лагерное прошлое предоставило писателю возможность наблюдать за живой народной речью в различных вариациях и использовать, анализировать и трансформировать полученный опыт в своих сочинениях [Нива 2014]. Сам Солженицын не считал свое окказиональное лексическое и семантическое словотворчество новаторством. Писатель полагал, что он лишь использует заложенные в самом языке формальные и смысловые ресурсы: «Это только бережный подбор богатства, рассыпанного совсем рядом, совсем под ногами» (цит. по: [Сарнов 2012: 87]).

Одним из интересных примеров как оригинальных слов, так и явлений, стоящих за ними, является в речи Ивана Денисовича лексема *магар*: «*На второе была каша из магара*» [Солженицын 2010: 18]. Так как изначально в данном слове используется в первом слоге «о», а не «а», мы можем предположить, что это одно из проявлений аканья в речи героя. Аканье, как известно, характерно для южных и в меньшей степени центральных русских говоров. Учитывая происхождение Ивана Денисовича (село Темгенево, Рязанская область), мы также можем сделать вывод, что аканье в шуховской речи – явление не случайное: «В Поломне узнала почта, а в Темгенево ни у кого до войны радио не было» [Солженицын 2010: 36]».

Солженицын стремился к естественности и достоверности языка, прибегая к использованию просторечной лексики. Например: «*Попало так, средне. Не с начала баканаливали, но и не **доболтки***» [Солженицын 2010: 17]; «*теплый **зяблого** разве когда поймет?*» [Солженицын 2010: 23].

Активное использование народной лексики говорит о самобытности авторской манеры письма. Однако ряду читателей это может показаться стремлением Солженицына к излишней стилизации текста, что неверно. Писатель не только прибегал к использованию разнообразных лексических средств, но и уделил большое внимание работе над уникальными морфологическими формами, способами словообразования, синтаксическими структурами в высказываниях Шухова. Это

принципиальная позиция Солженицына. В своих теоретических штудиях о русском языке он не раз отмечал необходимость использовать специфически русские грамматические средства в противоположность заимствованным европейским. Он, в частности, писал: «Грамматический строй нашего языка сохранял из века в век стойко то, что роднит наш язык с европейскими, но пренебрегал многими исконными своими преимуществами...» (цит. по: [Сарнов 2012: 89]).

Еще одна особая категория лексики, которой пользуется Иван Денисович, – тюремный жаргон. Данный лексический пласт обладает наибольшей экспрессивной окраской и занимает одну из ведущих ролей в стилистической маске речи героя. Их использование писателем, как и употребление всей внелитературной лексики в повести, всегда обусловлено контекстом.

Включенность тюремных жаргонизмов в текст мотивируется стремлением Солженицына к изображению реальной действительности такой, какая она и есть. Если бы в речи Шухова данная лексическая группа отсутствовала, то идиолект героя, как и всё произведение в целом, потеряло бы в правдоподобности. Не прибегая к использованию арготической лексики, автору не удалось бы изобразить лагерь со всеми особенностями его жизни: *«Кто в зоне остается, еще так шестерят: прочтут на дощечке, кому посылка, встречают его тут, на линейке, сразу и номер сообщают. Много немного, а сигаретку и такому дадут»* [Солженицын 2010: 112]. Или *«Трое суток кондея с выводом!»* [Солженицын 2010: 10]. Во многом благодаря повести Солженицына выделенные слова стали известны широкому читателю. Это подтверждает знаменитые слова А.А. Ахматовой, что благодаря Солженицыну вся страна заглянула за «колючую проволоку» [Чуковская 1997: 173].

Помимо всего прочего, тюремный жаргон, несмотря на свою, казалось бы, специфику, в большинстве случаев стал понятен и известен широкому кругу читателей еще по ряду причин: некоторые слова, принадлежащие тюремному жаргону, изначально являлись жаргонными (т.е. относились к так называемому «общему жаргону»); тюремная лексика активно взаимодействует с вульгарно-просторечной; оба этих лексических пласта довольно подвижны и могут пополнять друг друга; арготизмы могут популяризоваться через публицистические и художественные тексты. Ко многим тюремным жаргонизмам автор сам дает комментарий, иногда непосредственно в тексте, иногда прямой сноской, а в ряде случаев смысл легко раскрывается с помощью контекста. Например: *«Сам повар того мешка с крупной три километра нести не станет, дает нести шестерке. Чем самому спину ломать, лучше тому шестерке выделить порцию лишнюю за счет работяг»* [Солженицын 2010: 62].

Обсуждение результатов.

Главной особенностью лексики в повести «Один день Ивана Денисовича», как в других произведениях писателя, является не столько стилистическое разнообразие групп слов, сколько та свобода и естественность, которую дает это разнообразие. Простота и органичность речи героя в тексте – это ни что иное, как результат серьезной работы Солженицына с языком на различных его уровнях.

Однако Солженицын зачастую намеренно отказывается от стилистически нейтральных слов и прибегает к более экспрессивным синонимам. Этот выбор мотивирован писательскими задачами. Во-первых, нейтральным словом тяжело подчеркнуть отношение к тому или иному явлению. Во-вторых, к использованию разностилевой лексики, как мы уже отмечали ранее, может сподвигнуть контекст, речевая ситуация и так далее. В-третьих, желанием автора обогатить текст за счет лексического разнообразия, многозначности и семантического усложнения текста. Такой подход необходим для точного описания события: «Размышляя о каком-либо важном явлении действительности, писатель и его персонажи стремятся найти выразительное слово, с помощью которого можно объяснить суть данного явления» [Урманов 2014: 253].

Разумеется, одного использования в произведении разностилевой лексики русского языка было бы недостаточно для создания полноценного идиолекта. Для решения поставленных задач писатель работает не только над подбором слов самых разных стилиевых пластов и стилистических окрасок, но и над другими аспектами языка, а также занимается его индивидуально-авторским преобразованием (преимущественно лексико-семантическим).

Говоря о своих языковых новациях, Солженицын описывал образ идеального читателя, разделяющего писательские взгляды: «Своего читателя А. Солженицын тоже хотел видеть человеком, испытывающим «жажду к свежести родного языка», неподдельный интерес к меткому и выразительному слову, обладающим развитым этимологическим чувством, вместе с автором и его героями готовым размышлять» [Урманов 2014: 255].

Слова жаргонные, диалектные и окказиональные выполняют функцию стилистической выразительности, средства художественной образности в тексте. Несомненно, подобная лексика, как уже было отмечено нами, в процентном соотношении составляет очень малый объем от всего словарного запаса литературного произведения, что, разумеется, не уменьшает обширность ее стилистической и семантической роли, так как общелитературные слова (за исключением тех из них, что в контексте теряют свою нейтральность) – лексический фон для выразительных экспрессивных слов.

Заключение.

Анализ идиолекта героя художественного произведения и идиостиля писателя, а также систематизация лексико-стилистических особенностей художественного текста – актуальное и перспективное в теоретическом и эмпирическом планах направление отечественного языкознания. Анализируя смысловое пространство повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», мы выделили ведущие лексические особенности, образующие идиолект главного героя, а также цели использования автором разных по стилевой принадлежности и окраске слов. Мы пришли к выводу, что тщательный подбор слов и выражений, принадлежащих различным стилистическим группам, является одним из художественных принципов А.И. Солженицына. Писатель, стремясь к правдивости изображаемого, уделял большое внимание созданию не только детального художественного мира лагерной жизни, но и речи своих героев. Являясь писателем ярко тенденциозным, Солженицын, подобно Л.Н. Толстому, «пересоздавал мир и язык так, чтобы его идеи работали масштабно и глубоко, «перепахивая» современников» [Сарнов 2012: 311].

Библиографический список

- Акатова А.А.* Лексико-семиотическое пространство идиолекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5. Ч. 2. С. 23–29.
- Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М: Гослитиздат, 1959. 654 с.
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
- Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 447 с.
- Горшков А.И.* Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: Учеб. для педагогических университетов и гуманитарных вузов. М.: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.
- Земская Е.А.* Заметки о русском языке, культуре и быте рубежа XIX – XX вв. // Облик слова. Сборник статей. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1997. С. 333–353.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- Кузьмин В.В.* Художественный монизм Александра Солженицына. Проблемы поэтики. Екатеринбург: Ridero, 2019. 190 с.
- Леденева В.В.* Особенности идиолекта Н. С. Лескова. М.: МПГУ, 2000. 183 с.

Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель / Перевод с французского В. Петрова в сотрудничестве с автором. СПб.: Вита Нова, 2014. 336 с.

Нива Ж. Солженицын / Перевод с французского С. Маркиша в сотрудничестве с автором. Предисловие И. Виноградова. М.: Худож. лит., 1992. 192 с.

Ржевский Л.Д. Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына. Frankfurt a. Main: Посев, Сор. 1972. 168 с.

Сарнов Б.М. Феномен Солженицына. М.: Эксмо, 2012. 848 с.

Смольянинова М.Г. Александр Солженицын – художник и исследователь русской истории // Александр Солженицын: Взгляд из XXI века: материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения / Сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2019. С.178–187.

Солженицын А.И. Рассказы 1959–1966. Крохотки 1958–1960. М.: АСТ, 2010. 380 с.

Старкова Е.В. Проблемы понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: научный журнал. Киров, 2015, № 5. С. 75-81

Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Издательство «Русский путь», 2014. 624 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 4 т. М.: ТЕРРА, 1996.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3: 1963–1966 гг. М.: Согласие, 1997. 544 с.

References

Akatova A.A. Leksiko-semioticheskoe prostranstvo idiolekta // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2015. № 5. Ch. 2. S. 23–29.

Vinogradov V.V. O yazy`ke xudozhestvennoj literatury`. M.: Goslitizdat, 1959. 654 s.

Vinogradov V.V. O teorii xudozhestvennoj rechi. M.: Vy`sshaya shkola, 1971. 240 s.

Vinokur G.O. O yazy`ke xudozhestvennoj literatury`. M.: Vy`sshaya shkola, 1991. 447 s.

Gorshkov A.I. Russkaya stilistika. Stilistika teksta i funkcional`naya stilistika: Ucheb. dlya pedagogicheskix universitetov i gumanitarny`x vuzov. M.: AST: Astrel`, 2006. 367 s.

Zemskaya E.A. Zametki o russkom yazy`ke, kul`ture i by`te rubezha XIX – XX vv. // Oblik slova. Sbornik statej. M.: Institut russkogo yazy`ka im. V.V. Vinogradova RAN, 1997. S. 333–353.

Karaulov Yu.N. Russkij yazy`k i yazy`kovaya lichnost`. Izd. 7-e. M.: Izdatel`stvo LKI, 2010. 264 s.

Kuz`min V.V. Xudozhestvenny`j monizm Aleksandra Solzhenicyna. Problemy` poe`tki. Ekaterinburg: Ridero, 2019. 190 s.

Ledeneva V.V. Osobennosti idiolekta N. S. Leskova. M.: MPGU, 2000. 183 s.

- Niva Zh. Aleksandr Solzhenicyn: Borec i pisatel' / Perevod s francuzskogo V. Petrova v sotrudnichestve s avtorom. SPb.: Vita Nova, 2014. 336 s.
- Niva Zh. Solzhenicyn / Perevod s francuzskogo S. Markisha v sotrudnichestve s avtorom. Predislovie I. Vinogradova. M.: Xudozh. lit., 1992. 192 s.
- Rzhevskij L.D. Tvorec i podvig: Ocherki po tvorcestvu Aleksandra Solzhenicyna. Frankfurt a. Main: Posev, Cop. 1972. 168 s.
- Sarnov B.M. Fenomen Solzhenicyna. M.: E`ksmo, 2012. 848 s.
- Smol`yaninova M.G. Aleksandr Solzhenicyn – xudozhnik i issledovatel' russkoj istorii // Aleksandr Solzhenicyn: Vzglyad iz XXI veka: materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya / Sost. L.I. Saraskina. M: Russkij put`, 2019. S.178–187.
- Solzhenicyn A.I. Rasskazy` 1959–1966. Kroxotki 1958–1960. M.: AST, 2010. 380 s.
- Starkova E.V. Problemy` ponimaniya fenomena idiosilya v lingvisticeskix issledovaniyax // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: nauchny`j zhurnal. Kirov, 2015, № 5. S. 75-81
- Urmanov A.V. Xudozhestvennoe mirozhdanie Aleksandra Solzhenicyna. M.: Izdatel'stvo «Russkij put'», 2014. 624 s.
- Ushakov D.N. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka v 4 t. M.: TERRA, 1996.
- Chukovskaya L.K. Zapiski ob Anne Axmatovoj. T. 3: 1963–1966 gg. M.: Soglasie, 1997. 544 s.